

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-108-130

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**А. И. ДУБРОВИН И П. А. СТОЛЫПИН:
ПРИЧИНЫ АНТАГОНИЗМА**

Аннотация. В статье выявляются и анализируются причины противостояния между вождем крупнейшей черносотенной партии Российской империи Союза русского народа А. И. Дубровиным и председателем Совета министров П. А. Столыпиным. С опорой на достижения современной российской историографии и источники, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, показаны нюансы взаимоотношений между вождем черной сотни и премьером, их специфика, причины трансформации и обстоятельства, приведшие к антагонизму между Дубровиным и Столыпиным. Высказывается мнение, что конфликт между ними был неизбежен, поскольку после подавления революции 1905 года разногласия между главой правительства и вождем Союза русского народа возникли практически по всем основополагающим вопросам государственной и политической жизни. Дубровин и Столыпин, являясь монархистами, патриотами и государственниками, решительно расходились в представлениях о политической тактике, месте и роли бюрократии и черносотенных союзов, а главное, в понимании мер, необходимых для укрепления монархического строя и защиты интересов русского народа. В результате идейное и политическое противостояние, обострившееся столкновением двух независимых и упрямых характеров, превратило Дубровина и Столыпина в непримиримых антагонистов, приведя к затяжному конфликту, наносившему ощутимый вред как черносотенному движению, так и правительству.

Ключевые слова: Российская империя, А. И. Дубровин, П. А. Столыпин, Союз русского народа, черная сотня, русские правые, монархисты.

Для цитирования: Иванов А. А. А. И. Дубровин и П. А. Столыпин: причины антагонизма // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 108–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-108-130>

Original article

UDC 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-108-130

Ivanov Andrey A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

St. Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**A. I. DUBROVIN AND P. A. STOLYPIN:
REASONS FOR ANTAGONISM**

Abstract. The article identifies and analyzes the reasons for the confrontation between the leader of the largest Black Hundred party of the Russian Empire, the Union of the Russian People, A. I. Dubrovin, and the chairman of the Council of Ministers, P. A. Stolypin. Based on the achievements of modern Russian historiography and sources, a significant part of which are being introduced into scientific circulation for the first time, the nuances of the relationship between the leader of the black hundred and the prime minister, their specifics, the reasons for the transformation and the circumstances that led to the antagonism between Dubrovin and Stolypin are shown. It is believed that the conflict between them was inevitable, since after the suppression of the 1905 revolution, disagreements arose between the head of government and the leader of the Union of the Russian People on almost all fundamental issues of state and political life. Dubrovin and Stolypin, being monarchists, patriots and statesmen, strongly differed in their ideas about political tactics, the place and role of the bureaucracy and the Black Hundred unions, and most importantly, in their understanding of the measures necessary to strengthen the monarchical system and protect the interests of the Russian people. As a result, the ideological and political confrontation, exacerbated by the clash of two independent and stubborn characters, turned Dubrovin and Stolypin into irreconcilable antagonists, leading to a protracted conflict that caused significant harm to both the Black Hundred movement and the government.

Keywords: Russian Empire, A. I. Dubrovin, P. A. Stolypin, Union of the Russian People, Black Hundreds, Russian Right, monarchists.

For citation: Ivanov A. A. A. I. Dubrovin and P. A. Stolypin: reasons for antagonism // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 108–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-108-130>

Введение. Проблема взаимоотношений черносотенных партий Российской империи и их лидеров с П. А. Столыпиным уже не раз становилась предметом исследовательского внимания. Эта проблематика затрагивается в фундаментальных монографиях по истории правых партий¹,

¹ Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001; Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006; Богоявленский Д. Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. М., 2012; Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб., 2024.

а также в работах, посвященных непосредственно Столыпину². Особо можно отметить статьи И. В. Омелянчука, в которых специально рассматривается вопрос взаимоотношения правых партий и председателя Совета министров³, а также оценка деятельности премьера «Русским знаменем» — газетой крупнейшей черносотенной организации дореволюционной России — Союза русского народа (СРН)⁴. Достаточно емко проблема взаимоотношений правых партий и Столыпина изложена в энциклопедической статье А. П. Бородин⁵. Обращались историки и к сюжетам, связанным с непростыми отношениями вождей черносотенного лагеря с главой правительства. За последние годы историография вопроса пополнилась работами, освещающими политические и межличностные отношения со Столыпиным таких вождей русских правых, как А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков⁶. Но, несмотря на это, исследовательское поле все еще остается достаточно широким. Цель данной статьи — на основе достижений современной историографии и вводимых в научный оборот новых источников реконструировать и проанализировать специфику взаимоотношений со Столыпиным основателя и руководителя СРН А. И. Дубровина, а также осветить причины антагонизма, возникшего между вождем черной сотни и главой правительства.

Ход и результаты исследования. Отношения с назначенным в июле 1906 г. председателем Совета министров П. А. Столыпиным выстраивались у А. И. Дубровина с самого начала непросто. С одной стороны, для черносотенного лагеря Столыпин в силу своих личных качеств, репутации государственника, русского националиста, сторонника твердой власти и порядка, готовности решительно бороться с революционной крамолой был, безусловно, предпочтительнее ненавистного им С. Ю. Витте. В силу возраста, энергии и заслуг по наведению порядка на постах саратовского губернатора и министра внутренних дел Столыпин, несомненно, смотрелся более выгодно и перспективно по сравнению и со своим непосредственным предшественником — преданным монарху, но крайне пассивным И. Л. Горемыкиным. К заслугам

² См., напр.: *Бородин А. П.* Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.

³ *Омелянчук И. В.* Правые партии и П. А. Столыпин // *Российская история*. 2012. № 2. С. 62–76; *Его же.* Премьер-министры Российской империи в оценках правых (1905 – первая половина 1914 года) // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 1. С. 273–311.

⁴ *Омелянчук И. В.* Оценка деятельности П. А. Столыпина на страницах правой газеты «Русское знамя» // *Раздвигая научные горизонты...: Сборник статей памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения)*. М., 2023. С. 267–284.

⁵ *Бородин А. П.* Правые // *Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия* / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2011. С. 478–486.

⁶ *Иванов А. А.* В. М. Пуришкевич и П. А. Столыпин: между сотрудничеством и антагонизмом // *П. А. Столыпин: Преобразуя настоящее, творить будущее* / под ред. И. Е. Воронковой. Орел, 2011. С. 106–112; *Омелянчук И. В.* Дубровин Александр Иванович // *Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия*. С. 169–171; *Иванов А. А.* Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 244–264.

Столыпина черносотенцы относили роспуск Думы, предание суду подписантов Выборгского воззвания, введение военно-полевых судов, назначение на ряд должностей лиц, пользующихся авторитетом в правом лагере. С другой стороны, премьер воспринимался крайне правыми как конституционалист, сторонник парламентаризма, проводник взглядов «Союза 17 октября». Далеко не во всем были согласны черносотенцы и с намеченной Столыпиным программой преобразований страны и его моделью российского будущего. Если Столыпин был убежден в том, что для умиротворения общества репрессивных мер недостаточно и необходимо привлечь все его конструктивные силы к совместной работе с правительством для реформирования страны, то крайне правые были убеждены в том, что попытки подладиться под требования общественного мнения только ослабляют власть. Для правых столыпинский курс был путем «наружной твердости», а по сути — «путем уступок»⁷. Дубровин и его единомышленники с самого начала отнеслись к назначению Столыпина настороженно, поскольку видели в нем не сторонника неограниченного самодержавия, а человека, намеренного укреплять основы народного представительства и проводить реформы по западноевропейскому образцу.

Как справедливо отмечает А. Д. Степанов, на первый взгляд может показаться, что и Дубровин, и Столыпин принадлежали к одному политическому лагерю, ведь оба они были врагами революции, людьми правых взглядов, сторонниками монархии, однако при более внимательном рассмотрении они оказываются представителями сильно отличающихся друг от друга политических течений: «Дубровин был сторонником неограниченного самодержавия, решительным противником либерально-конституционных уступок. <...> Столыпин был... политиком-прагматиком, готовым идти на компромиссы и соглашения с различными политическими силами. <...> Он намеревался реформировать Россию по западным лекалам...»⁸.

Однако до противостояния между вождем черной сотни и премьером дело дошло не сразу. Пока шла борьба с бушевавшей революцией, Дубровин и Столыпин во многом были союзниками. Дубровин обращался к Столыпину с различными просьбами о содействии, жаловался премьеру на проблемы с местной администрацией и в ряде случаев находил поддержку⁹. Жандармский генерал А. В. Герасимов утверждал, что в 1906–1907 гг. «много денег отпустил союзу Столыпин»¹⁰. Сорагница Дубровина Е. А. Полубояринова отмечала в показаниях, данных в 1917 г., что на думскую кампанию и издание «Русского знамени» Дубровиным в начале премьерства Столыпина было получено около 150 тыс. руб.¹¹ В письме одному из покровителей черносотенного

⁷ Бородин А. П. Правые. С. 478.

⁸ Степанов А. Д. Русский Гарибальди. Александр Иванович Дубровин (1855–1921) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2015. С. 72–73.

⁹ Там же. С. 74.

¹⁰ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 156.

¹¹ Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М., 1929. С. 38–39.

движения в Одессе, генералу И. Н. Толмачеву Столыпин в 1909 г. писал: «В смутную эпоху 1905–1906 годов Союз русского народа сыграл крупную, можно сказать — историческую роль, оказав существенную помощь и содействие правительству в деле подавления революционного движения»¹².

Столыпин был и лично обязан Дубровину. 12 августа 1906 г., когда эсеры-максималисты устроили взрыв на казенной даче премьера на Аптекарском острове, он был первым врачом, оказавшим помощь раненым детям премьера. Однако даже такая услуга не привела к установлению теплых отношений. «Хотя я и сделал так, что дети его оказались живы, он хоть бы раз меня поблагодарил, ни разу, молчок полнейший», — сетовал Дубровин¹³.

После подавления революции Столыпин перестал нуждаться в СРН как партии «уличного действия» и предпринял шаги по его трансформации в политическую силу, готовую вписаться в новую политическую реальность, в которой важное место заняла Государственная дума. В этих условиях убежденный защитник незыблемости царского самодержавия и непримиримый противник парламентаризма Дубровин становился ненужным. Более того, своими резкими заявлениями, одиозностью, активной ролью в противодействии не только революционерам, но и самым умеренным либералам, желанием влиять на власть и контролировать ее вождь черной сотни компрометировал правительство в глазах общественности, а потому оно поспешило поскорее отмежеваться от него. Содействовавший становлению СРН бывший петербургский градоначальник, а затем дворцовый комендант В. А. Дедюлин откровенно заявлял в начале 1908 г., говоря о СРН: «...Теперь он уже не нужен: красных тряпок на улице уже нет. Раньше нужны были крики: “Ура. Да здравствует царь. Да здравствует самодержавие”, нужно было пение “Боже, царя храни”, когда по улицам пели революционные песни. А теперь нужно иное»¹⁴. Дубровин, естественно, с такой позицией согласиться не мог. Отмечая, что СРН возник в тот момент, когда «власти растерялись и спрятались», и ставя в заслугу черносотенцам то, что именно они подавили революцию «и никто более», вождь крайних правых заключал: «тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают говорить нам: “Уходите, союз был нам не нужен, мы и сами управимся”»¹⁵.

Публицисты «Нового времени» М. О. Меньшиков и А. А. Столыпин (брат премьера) сформулировали отношение умеренных кругов, к которым относилось и большинство представителей власти, знаменитой фразой из драмы

¹² Союз русского народа. С. 242.

¹³ Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / публ. В. Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей / под ред. Д. Б. Павлова. М., 2010. С. 116–117.

¹⁴ Запись беседы Дворцового коменданта В. А. Дедюлина (1908 г.) и Записка члена Совета министра внутренних дел Н. Ч. Зайончковского (1913 г.) / публ. Ю. И. Кирьянова // Исторический архив. 2000. № 1. С. 90.

¹⁵ Цит. по: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 392.

Ф. Шиллера «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить», которая потом долго вспоминалась черносотенцами. «Как бы в доказательство наступившего мира, — писал Меньшиков, — правительство ведет к ликвидации той бытовой охраны, что два года тому назад возникла по всей России под названием Союза русского народа. “Негр сделал свое дело, негр может уйти”. Добровольная помощь государству со стороны населения признается больше ненужной»¹⁶. Московский губернатор В. Ф. Джунковский и вовсе полагал, что Столыпин должен был «дать решительный бой» и запретить черносотенные союзы «за их бесчинства, за открытое неподчинение и демонстративную борьбу против правительственной власти, государственного строя и Основных законов» и корил премьера за то, что он «на это не решился и уступил их натиску»¹⁷. Подначивали власти к «расправе» над Дубровиным и либеральные газеты, указывавшие правительству на недопустимость связей «административных сфер» с СРН и журившие премьера за то, что он непоследователен в своих попытках «отделаться от союза с “союзом”». «...Попытки эти, — писало одно из таких изданий, — неизменно кончались капитуляцией; в “истинно-русских” органах прессы премьера обливали помоями, и на глазах у изумленного общества глава правительства шел в роли пленника за триумфальной колесницей доктора Дубровина»¹⁸.

Столыпин и Дубровин оказались чужды друг другу и по политическим взглядам, и по методам политической работы. Премьер проявлял готовность к сотрудничеству с умеренно либеральными силами общества, вождь черной сотни его решительно отвергал. Столыпин верил в успех русского парламентаризма, Дубровин считал его губительным для страны. Глава правительства был националистом западнического толка, лидер СРН придерживался славянофильских воззрений. Председатель Совета министров ратовал за разрушение крестьянской общины, делая ставку на кулака, вождь черной сотни был убежденным сторонником общинного землевладения, считая его «надежным бастионом на пути обезземеливания и социального расслоения крестьянства, угрожающего России увеличением численности пролетариата»¹⁹ и противником западноевропейскому социализму. Столыпин был бюрократом-практиком, способным на политические маневры, Дубровин был идеалистом в политике и никаких компромиссов и соглашений с оппозицией не допускал. Премьер делал ставку на образованные, успешные и состоятельные слои общества, а вождь черносотенцев апеллировал прежде всего к простому русскому народу. Расходились Столыпин и Дубровин в оценке ситуации в стране. Первый считал, что революция окончательно разгромлена и началось мирное время для спокойного созидательного обновления России, второй же настаивал

¹⁶ Меньшиков М. О. Куда ушла революция // Новое время. 1908. 12 февраля.

¹⁷ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 390.

¹⁸ Обзорение газет и журналов // Южный край. 1907. 20 февраля.

¹⁹ Омелянчук И. В. Дубровин Александр Иванович // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. С. 170.

на том, что успокоение лишь видимость, а революция, покинув улицу, переориентировалась на новые формы борьбы и готова в любой подходящий момент вспыхнуть с новой силой. На начальном этапе своей деятельности глава правительства опирался на октябристов, вождь черной сотни считал их чуть ли не самой вредной партией. Не сошлись Столыпин и Дубровин в отношении к бюрократии. Для премьера она была естественной опорой власти, для вождя черной сотни — «средостением» между царем и народом, равнодушной, безнациональной и зараженной либерально-западническими идеями «кастой», в большинстве своем не способной к твердому монархическому и национально-патриотическому курсу. «Я... предупреждал союзников, — отмечал Дубровин в 1910 г., — что, как вылощенный октябрист опаснее несуразного, бестолкового эсера или эсдека, так благовоспитанный законно-порядочный бюрократ вдесятеро опаснее союзу и святому русскому делу, чем заправский бомбист-революционер...»²⁰ Заявляя, что «серединки» он не выносит, предпочитая иметь дело с убежденными правыми или убежденными левыми, Дубровин категорически не желал, по его собственным словам, «плясать под дудку» Столыпина²¹.

Не мог Дубровин простить Столыпину и того, что после подавления революции премьер под предлогом «высокого правосудия» посадил совершивших во время бушевавшей междоусобицы правонарушения рядовых черносотенцев на скамью подсудимых, уравнив тем самым врагов монархии с ее добровольными защитниками.

Таким образом, Дубровин стал для Столыпина оппозицией справа, причем оппозицией «внесистемной», не готовой к уступкам правительственной власти, обличающей ее и требующей от последней твердо держаться того курса, на который он ей указывал. Для столыпинской администрации он и вовсе превратился в «революционера справа», т. е. противника обновленного государственного строя, стремящего повернуть колесо истории вспять и восстановить прежнее неограниченное царское самодержавие. Эта кличка, изначально брошенная по адресу СРН либералами, была призвана уравнивать черносотенцев с левыми радикалами и заставить власть отказаться от поддержки правых²². «Что желает произвести “Союз русского народа”? — задавался вопросом П. Б. Струве, и сам же на него отвечал: — Его задача — конверсия исторических чисел и государственных начал. 17 октября 1905 года он желает конвертировать в 17 января 1895 года²³, конституционную монархию в неограниченное

²⁰ Дубровин А. И. Уход А. И. Дубровина из Главного совета. (По поводу так называемой статьи Нового вестника) // Русское знамя. 1910. 16 июня.

²¹ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 120.

²² Подробнее см.: Иванов А. А. Правые партии Российской империи. С. 22–28.

²³ Имеется в виду выступление императора Николая II перед земскими депутатами, в ходе которого он назвал «бессмысленными мечтаниями» надежды либерально-настроенных земцев на привлечение выборных людей к делу государственного управления и заверил, что будет охранять начала самодержавия столь же твердо, как и его отец.

самодержавие». Поэтому, писал оппозиционный публицист и политик, шутка об аббревиатуре СРН, якобы означающая «социалистов-революционеров навыворот», является не только остротой, но и «социологической и исторической истиной»²⁴. Сподвижник Столыпина Крыжановский отмечал, что хотя усилия СРН, как и стремления правительства, были направлены «на защиту русской исторической государственности от внутреннего натиска элементов разрушения, возглавлявшихся партией социал-революционеров, — в области политического террора, и кадетов — в области принципиальной оппозиции и подкапывания власти в общественном мнении», дубровинская партия не смогла «развиться в полезном для государства направлении»²⁵. В числе причин, заставивших правительство отвернуться от СРН под руководством Дубровина, Крыжановский называл следующие: «неуклюжесть приемов», упорное стремление вождей связать себя с правительством «и вовлечь его агентов в свои организации» и «наклонность к демагогии в направлении, сближавшем их с их противниками». «Крайнее правое крыло этого движения усвоило себе почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные, — считал Крыжановский. — Разница была в том лишь, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем самодержавного царя как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, а другие — именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику»²⁶.

Об этом же писал и сторонник Столыпина, публицист Меньшиков, отмечавший, что митинговая риторика Дубровина совершенно не отличалась от революционной, за исключением того, что их «фетиши и идолы... стоят в разных углах». «И у радикалов, и у ретроградов, — писал Меньшиков, — <...> та же бесчестность мысли, густо посоленной передержками, извращениями, инсинуациями, клеветой и самой пошлой бранью, то же раскольничье изуверство, тот же лающий тон и язык... <...> Съезды и митинги так называемой “черной сотни” отличаются той же дерзостью и почти теми же резолюциями, что митинги революционеров»²⁷. Меньшиков осуждал Дубровина за то, что тот договаривается «до чертиков», возбуждает толпу ничуть не хуже «красной сотни» и своими нападка на правительство переходит границы приличия. Впрочем, отмечал Крыжановский, правая демагогия была объяснима тем, что простой народ в результате многолетней революционной пропаганды

²⁴ Струве П. Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм* / сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова; вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова. М., 1997. С. 141. Об этом же писал в октябристском «Голосе Москвы» публицист И. А. Гофшеттер: «Наши крайне правые в политическом отношении — те же эсдеки навыворот...» (*Гофшеттер И.* Социальные устои политических партий // *Голос Москвы.* 1907. 25 ноября).

²⁵ Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А. В. Лихоманов. СПб., 2009. С. 135.

²⁶ Там же. С. 136.

²⁷ Меньшиков М. О. Письма к ближним. Татарские нравы // *Новое время.* 1906. 19 февраля.

не понимал иных призывов, кроме радикальных, и, если бы претендующие на организацию широких народных масс черносотенные вожди заговорили с ними иначе, они не смогли бы их увлечь за собой. «Но, разумеется, — добавлял он, — эта сторона деятельности правой демагогии становилась пунктом столкновения с правительством...»²⁸. На это же указывал и генерал А. А. Киреев. «Правительство жалуется, что правые пересаливают. Это тема Столыпина, — отмечал он в дневнике. — <...> Что преувеличения, бестактность есть — это несомненно, но ведь академическими средствами на массы не повлияешь! Притом, не должно забывать, что само правительство помогало революции, во 1-х тем, что оно дискредитировалось своими глупостями и гадостями, что теперешнее правительство непременно смешивают с бюрократизмом, с бюрократами, хотя Столыпин делает все возможное, что[бы] отстранить от себя это отождествление...»²⁹

Попытка поставить на одну доску крайне правых и крайне левых, заклеив тех и других словом «революционеры», вызывала протесты большинства черносотенцев. «Это выражение с надоедливостью попугая повторяет правительственная печать, быть может, бессознательно поддерживая “революционеров слева” или сознательно отстраняя от самого правительства достойные упреки, — писало “Русское знамя”. — “Монархисты — это революционеры справа”, — так говорят люди, желающие казаться умнее и просвещеннее, чем они есть в действительности... <...> [Но] монархисты — не революционеры, а контрреволюционеры, ибо цель их объединения — истребить революцию. <...> Монархисты не революционеры и ими никогда, ни при каких условиях не могут быть дотоле, доколе в России самодержавно-монархический строй»³⁰. О том же говорил и Дубровин. В одной из своих речей, называя бюрократию «вненародной», осуществляющей «мелочную предательскую политику», вождь СРН заявлял: «но и эта инородческая шпионка не нашла в нас ничего такого, что давало бы ей повод объявить нас “революционерами справа”»³¹.

Но иногда, пусть и с горькой иронией, Дубровин революционером себя все-таки называл. Выступая перед одесскими союзниками 16 июля 1908 г., вождь СРН сказал: «Мы, черносотенцы, объединились, чтобы сплоченной в Союзе русского народа массой отстоять хозяйские права нашего родного народа. И вот разные пришельцы, наводнившие нашу матушку Святую Русь, стремясь ограничить нашего державного вождя, стремясь ограничить наши права, как хозяина-народа, негодуют, стараются представить нас революционерами. Да, мы революционеры!!! Мы стоим за веру православную, за царя самодержавного, за хозяйские права русской родной нам народности,

²⁸ Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского. С. 136.

²⁹ А. А. Киреев. Дневник. 1905–1910 / Сост. К. А. Соловьев. М., 2010. С. 188.

³⁰ Что такое революция справа? // Русское знамя. 1907. 25 февраля.

³¹ Замечательное слово главного председателя «Союза русского народа» А. И. Дубровина // Русская правда. 1907. 28 июня.

мы стоим за все то, что они отрицают и потому, по их мнению, мы революционеры. Да, мы революционеры. Да здравствует же великий русский народ под державным водительством царя-самодержца»³². А в обращении к союзникам, опубликованном в декабре 1910 г., Дубровин заявлял: «Со званием революционера, ведущего Союз русского народа по революционному пути... я, пожалуй, и согласен при условии, с какой точки зрения оценивать текущие события. Да, сознаюсь, я употреблял все силы, чтобы вести союзников как раз против того течения, которое теперь стремятся заставить признать правильным. <...> Да, я революционер, но против революции»³³.

Дубровин, не смущаясь, называл себя «самым ярым протестантом», имея в виду то, что он всегда, невзирая на чины и звания, боролся с сильными мира сего ради блага простого народа. «...Ни на минуту я не переставал выражать самые горячие протесты против всего того, что клонилось ко вреду моих сограждан, моих соотечественников... — говорил он в одном из интервью. — <...> Я протестовал против той аномалии и несправедливости, которую замечал в высших правительственных сферах. <...> ...Я всю жизнь протестовал и всегда буду протестовать там, где будет это надо...»³⁴. Показательно в этом плане обращение Главного совета СРН, вышедшее летом 1907 г. за подписью Дубровина, в котором государственный строй империи, предшествовавший революционным событиям 1905 г., характеризовался как «царство... эластичного, угодливого перед всем иноземным бюрократизма», которое довело Россию до Мукдена и Цусимы, а затем до антимоноархического и антирусского движения³⁵. Делая экскурс в историю, Дубровин писал о равнодушной к народным нуждам бюрократии как о «беззаконных временщиках», «хищных» и беспринципных чиновниках, которые, «обманывая царей», «теснили русский народ» и, прикрываясь «золочеными мундирами», тайно покровительствовали «лжеосвободителям»; путем обмана самодержца пробирались к власти и, в итоге, своим «угнетением народа» довели его до «кровопролитного восстания против самодержавия»³⁶.

Заявляя, что реакционером он себя не считает, Дубровин говорил: «Я больше, чем кто-либо другой, желаю от всего сердца обновления моему отечеству, ибо действительно в нем накопилось немало разной гнили... Я не реакционер, а скорее, демократ... Но демократия, по моему мнению, должна быть только лишь “царистою”». На вопрос интервьюера, что это означает, Дубровин разъяснял: «Во главе должен стоять царь... Один только царь... Помазанник Божий... Общение царя с народом принесет последнему счастье и благодать»³⁷.

³² Посещение Одессы основателем и почетным председателем всероссийского СРН А. И. Дубровиним // За Царя и Родину. 1908. 17 июля; То же // Русское знамя. 1908. 20 июля.

³³ Дубровин А. И. Дорогие братья союзники! // Русское знамя. 1910. 2 декабря.

³⁴ Волгин В. У. А. И. Дубровина // Ялтинский вестник. 1909. 27 сентября.

³⁵ Дубровин А. И. От Главного совета СРН // Русская правда. 1907. 26 июля.

³⁶ Там же.

³⁷ Волгин В. У. А. И. Дубровина.

Позже, на допросе в ВЧК, Дубровин повторит ту же мысль другими словами: «Я по убеждению коммунист-монархист, т. е. чтобы при монархическом правлении были бы все те формы правления, которые могли бы принести народу улучшение его благосостояния...»³⁸

Так что, шутка, называвшая СРН «социалистами-революционерами навыворот», имела под собой некоторые основания. И дело здесь не только в том, что черносотенцы в своей борьбе с политическими противниками могли порой прибегать к радикальным методам. Дубровину и его соратникам было свойственно своеобразное народничество. Современный исследователь отмечает: «Во взглядах Дубровина можно найти даже следы такого монархического народничества, по крайней мере, Союз русского народа очень часто поднимал перед властью вопрос о земельной тесноте русского крестьянства и необходимости решения аграрного вопроса, о защите русских рабочих от притеснений и эксплуатации со стороны фабрикантов. Вождь Союза русского народа неоднократно подчеркивал, что Союз должен защищать интересы прежде всего простого народа. Именно в глубинной народности Союза русского народа лежит причина массовости Союза, который, несомненно, был главным конкурентом социалистов за умы и сердца простого народа»³⁹. В 1912 г. черносотенная «Стрела» особо подчеркивала ориентированность вождя СРН на простого русского мужика, отмечая, что он «дал России первую и пока единственную большую мужицкую газету “Русское знамя” и, разумеется, никто не знает мужика, как хозяин этой газеты — А. И. Дубровин»⁴⁰.

Требования Дубровина к правительству опираться на него и возглавляемый им СРН, представлявший, по его словам, не политическую партию, а весь русский народ, «всю Святую Русь», были для Столыпина неприемлемы. Опорой для премьера сперва стала партия октябристов, а затем умеренно правая партия русских националистов — Всероссийский национальный союз. Поэтому уже со второй половины 1907 г. между Дубровиным и Столыпиным началось противостояние. Вождь СРН в этом противостоянии прибегал преимущественно к публицистическим приемам борьбы, критикуя правительство и его главу со страниц «Русского знамени»⁴¹. Не скупился он на критику правительственной власти и во время своих публичных выступлений. А иногда и напрямую обращался к монарху, чтобы подвергнуть деятельность правительства ожесточенной критике, сообщить царю о «равнодушии» министров к охране исторических начал и их соглашательстве с либералами, стремящимися захватить государственную власть в свои руки. «Понятно, что такие наветы, часто и настойчиво повторяемые, производили свое действие и вызывали со стороны государя подозрительное отношение к отдельным лицам, входившим в состав

³⁸ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 108.

³⁹ Степанов А. Д. Русский Гарибальди. С. 72–73.

⁴⁰ [Передовая статья] // Стрела. 1912. 17 сентября.

⁴¹ См.: *Омельяничук И. В.* Оценка деятельности П. А. Столыпина на страницах правой газеты «Русское знамя».

правительства, и к их действиям», — вспоминал Крыжановский⁴². В 1908 г. некий влиятельный сановник в интервью «Речи» на условиях анонимности признался, что бюрократия внимательно следит за «разглагольствованиями» Дубровина, которые ее «волнуют и раздражают», хотя и делает вид, что вождь черной сотни величина незначительная, с которой считаться не стоит. Указывая, что в одной из своих речей Дубровин заявил: победив революцию, нужно победить бюрократию, — сановник отметил, что на такие «благоглупости» можно было бы не обращать внимания, если бы они не вызывали смуту в умах некультурных масс. На провокационный вопрос интервьюера, неужели власть боится «тронуть дубровинцев», последовал ответ: «Нет надобности покуда. Тем более, что много вероятия за естественное разложение всего этого пресловутого союза... Негр умрет естественной смертью. Борьба же с ним могла бы только гальванизировать разлагающийся труп»⁴³.

Правительственная власть пыталась удержать Дубровина в дозволенных ею границах прежде всего путем административного давления. Генерал Герасимов отмечал, что отношения между Столыпиным и Дубровиным начали портиться летом 1907 г., в результате чего в выдаче средств на нужды СРН произошла заминка. Дубровин явился с просьбой о посредничестве к генералу, но тот указал вождю СРН на то, что помочь ему едва ли сможет, покуда «Русское знамя» ведет резкую кампанию против Столыпина⁴⁴. С этого времени «Русское знамя» постоянно подвергалось штрафам, которые болезненно били по благосостоянию Дубровина и СРН.

Против вождя черной сотни регулярно возбуждались уголовные дела. Власти обращали внимание на недопустимый тон ряда публикаций дубровинского издания, на грубые антисемитские выпады, на разжигание отдельными авторами религиозной и межнациональной розни и особенно на выпады против правительства и отдельных его членов. На отдельные номера газеты СРН власти накладывали арест, конфисковывали их из свободной продажи, привлекали к уголовной ответственности редакторов за публикацию недостоверных сведений, порочащих правительство⁴⁵. Доставалось газете и за публикацию писем и телеграмм рядовых черносотенцев, которые порой содержали грубые выпады, радикальные призывы и недопустимые по соображениям цензуры высказывания⁴⁶.

Большой резонанс вызвали крупные денежные штрафы, посыпавшиеся на Дубровина один за другим. Причем внимание современников привлекли не только большие суммы штрафов, но и способ их взыскания. В октябре 1907 г. в дом к болевшему Дубровину явились полицмейстер и пристав,

⁴² Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского. С. 136–137.

⁴³ -б- [Любоищ С. Б.] Вождь Союза русского народа и бюрократия. (Из бесед) // Речь. 1908. 5 августа.

⁴⁴ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 156.

⁴⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2172. Л. 24, 29–36, 145.

⁴⁶ Там же. Л. 87.

арестовали его экипаж и произвели опись имущества, поскольку вождь СРН просрочил уплату штрафа. Дубровин расценил эти действия как месть и осознанное публичное издевательство над его личностью⁴⁷. А вслед за тысячным штрафом сразу же последовал новый штраф в три тысячи рублей. «Три тысячи рублей — пеня, в особенности в виду недавно взысканной с нас тысячи — значительная настолько, что может быть рассчитана и на разорение наказуемого...», — сетовало «Русское знамя»⁴⁸. За Дубровина заступился даже его политический оппонент и сторонник столыпинской политики Меньшиков. «Подняв... гонение на г. Дубровина, председателя Союза русского народа, власть не только описала для возмещения штрафа экипаж своего “врага”, но, не дав передохнуть, наложила еще штраф в 3000 руб. Задались очевидно целью донять “Русское знамя” если не дубьем, то рублем», — писал он⁴⁹. Отметив, что сам он далек от мысли защищать черносотенное издание, поскольку «фанатизм» СРН он также осуждает, Меньшиков вместе с тем замечал, что «фанатизм этот все же русский, патриотический, ультранациональный». «Если чем грешат господа черносотенцы, — писал он далее, — то больше всего чрезмерным избытком усердия, ставящим правительство иногда в неловкое положение. Неудобство усердия не по разуму бесспорно, однако оно окупилось, мне кажется, сторицею важными услугами, какие Союз русского народа уже принес в деле подавления смуты. Был момент, когда министры наши жалко растерялись и начали сдавать бунту позицию за позицией. Был момент, когда инородческий и пролетарский мятеж уже вышел на улицу, когда мирное население было терроризировано, когда на глазах местных властей публично расстреливали и рвали в клочья портреты Государя. Вот тут точно из земли вырос черный, как земля, национальный союз, и совершенно неожиданно для властей дал смуте крайне первобытный, но ощутительный отпор. Кислота бунта встретила щелочь верности, и шумная химическая реакция свелась к восстановлению жизни в сравнительно нейтральном ее состоянии. Заслуга эта, повторяю, историческая, и если она скомпрометирована наивными и самонадеянными домогательствами национального союза предписывать власти свою программу, то, не поддаваясь этим домогательствам, правительству все же не следовало ронять себя до борьбы с союзом»⁵⁰. Меньшиков указывал, что власть совершает ошибку: «правительство преследует своих фанатических приверженцев под рукоплескания своих отъявленных врагов». Отмечая, что «доконать штрафами какое угодно издание не трудно», публицист называл происходящее «комедией власти», поскольку по отношению к своим непримиримым врагам она вела себя куда более лояльно. Меньшиков указывал,

⁴⁷ Жалоба в 1-й Департамент Правительствующего Сената редактора-издателя «Русского знамени» А. И. Дубровина на действия СПб градоначальника Д. В. Драчевского по опубликованию оскорбительных и ложных сведений // Русское знамя. 1907. 14 октября.

⁴⁸ Русское знамя. 1907. 18 ноября.

⁴⁹ Меньшиков М. О. Комедия власти // Новое время. 1907. 21 ноября.

⁵⁰ Там же.

что зачинщиков массовой революционной студенческой акции, прославлявшей убийцу министра внутренних дел Д. С. Сипягина студента С. В. Балмашева и которую пришлось разгонять при помощи полиции и солдат, власть наказала арестами от 3 до 7 дней, а участников — штрафами от 3 до 5 руб.⁵¹ Отмечая, что в этой «комедии» Дубровину выпала роль «простака», Меньшиков заключал: «Он не бил стекол правительственных зданий, не выгонял оттуда чиновников, не выражал сочувствия Балмашеву, не произносил революционных речей, и за какую-то никем не замеченную статью малораспространенной его ультраабсолютистской газеты его наказали штрафом в тысячу раз более тяжелым, чем заведомых бунтарей, печатающих воззвания к бунту и требующих совместного действия против себя полиции, пехоты и казаков!»⁵²

Между тем представители властной элиты считали, что Дубровин в том, что с ним поступили столь строго, был виноват сам. В. А. Дедюлин говорил черносотенцу Н. Н. Жеденову: «...Виноваты монархисты — зачем их дернуло упорствовать на своем»⁵³. По мнению дворцового коменданта, Дубровину не следовало пытаться мешать Столыпину, нападать на него с критикой и обвинять в стремлениях умалить самодержавие и уж тем более жаловаться на его действия императору. Говоря о вождях черной сотни, Дедюлин замечал: «Они все хотят командовать, разыгрывать второе правительство, и лезут к царю, и все обходами, и царя успели склонить на свою сторону»⁵⁴. Поясняя, почему власть предпочитает иметь дело с умеренной оппозицией, а не черной сотней, дворцовый комендант говорил: «Ведь, на той стороне умственные силы, а они — все хулиганы, люди недалекие. Заладили одно: свалить Столыпина. <...> На той стороне все лучшие силы, их нужно приманить»⁵⁵. Ставя Дубровину и дубровинцам в вину, что они постоянно мешаются у правительства под ногами, пытаются сорвать планы по сплочению вокруг власти умеренных сил и не знают меры в своих нападках, Дедюлин заключал: «Ну, вот их и погладили, сперва на тысячу рублей, а потом на три. И вместо того, чтобы смириться, скандал подняли — жалобу подал...»⁵⁶ Считая наложенные на Дубровина штрафы воспитательной мерой, Дедюлин пояснял, что если бы вождь СРН осознал свою неправоту по отношению к правительственной власти и смиренно оплатил штрафы, а не скандалил бы «на всю Россию», то вскоре бы сама власть нашла способ, как ему эти деньги вернуть. Но вождь черной сотни уперся, за что и был показательно наказан.

Для Дубровина же компромисс в идеологических вопросах был невозможен. В отличие от Столыпина он не был политиком, способным подстраиваться к ситуации и путем уступок и соглашений находить союзников для реализации

⁵¹ Меньшиков М. О. Комедия власти.

⁵² Там же.

⁵³ Запись беседы Дворцового коменданта В. А. Дедюлина. С. 93.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

своих целей, поэтому посылаемые властью «сигналы» не были им услышаны. Считая, что правда на его стороне, Дубровин продолжил столь же неприемлемо гнуть свою линию и обличать Столыпина, правительство и местную администрацию во всем том, что казалось ему предательством православия, самодержавия и русской народности. Естественно, что это раздражало власть, и история со штрафами набирала новые обороты.

«Русское знамя» неоднократно привлекалась к ответственности за распространение ложных слухов о Столыпине и резкие высказывания о премьер⁵⁷. Премьер сетовал на то, что дубровинское издание его систематически «травит»⁵⁸. Так, например, не без оснований подозревая, что глава правительства является сторонником расширения прав еврейского населения империи⁵⁹, «Русское знамя» выискивало сведения, которые бы подтверждали «особые» отношения, установившиеся у Столыпина с иудеями. В опубликованной 30 марта 1910 г. заметке⁶⁰ был пущен слух, что во время приема депутации раввинского съезда глава правительства принял в дар «талмуд-тору с золотой монограммой премьер-министра, осыпанную бриллиантами, стоимостью в двадцать тысяч рублей». Власти посчитали эту диффамацию сознательным возбуждением враждебного отношения к правительству и оштрафовали Дубровина на 500 руб.⁶¹ А за повторение этого слуха в другой статье⁶² против издателя газеты было возбуждено уже уголовное дело⁶³.

Приведенными случаями история со штрафами не ограничилась, они сыпались на «Русское знамя» регулярно. Только в 1907 г. сумма штрафов, наложенных на дубровинскую газету, составила 4 тыс. руб.⁶⁴ Летом 1908 г. Дубровин утверждал, что дважды выплачивал четырехтысячные штрафы⁶⁵. Спустя год Булацель сообщал, что только за первую половину 1909 г. «Русское знамя» без всякого суда было оштрафовано на 10 тыс. руб.⁶⁶ В январе 1914 г. редакция газеты сообщала, что общая сумма штрафов, наложенных на «Русское знамя» со дня основания газеты, составила 44 тыс. руб.⁶⁷ Всего же, вспоминал Дубровин, было выплачено целое состояние — 48 тыс. руб. штрафов⁶⁸. Историки иногда отмечают, что власть компенсировала Дубровину часть средств, взысканных

⁵⁷ РГИА. Ф. 1354. Оп. 3. Д. 1513. Л. 251–252, 295.

⁵⁸ П. А. Столыпин и «Русское знамя» // Русское знамя. 1910. 11 мая.

⁵⁹ В декабре 1906 г. Столыпин предлагал императору даровать евреям ряд льгот, чтобы тем самым успокоить «неревolucionную часть еврейства». Однако Николай II это предложение отклонил (*Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 20–21*).

⁶⁰ Н. П. Ждем опровержения // Русское знамя. 1910. 30 марта.

⁶¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2172. Л. 251 об.

⁶² Булацель П. Над пропастью // Русское знамя. 1910. 31 марта.

⁶³ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2172. Л. 252.

⁶⁴ Степанов С. А. Черная сотня. С. 205.

⁶⁵ Дубровин А. И. Недомыслие или пристрастие? // Русское знамя. 1908. 31 августа.

⁶⁶ Булацель П. Ф. Бюрократические козни против Союза русского народа // Русское знамя. 1909. 28 июля.

⁶⁷ Русское знамя. 1914. 15 января.

⁶⁸ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 104.

в виде штрафов, указывая, что от правительства он получил по этой статье 25 тыс. руб.⁶⁹ Однако надо учитывать, что эти средства издатель «Русского знамени» получил лишь в 1916 г. Получая деньги из секретного фонда, Дубровин принципиально подчеркнул, что выданные ему средства не правительственная субсидия, а «возврат того, что с “Русского знамени” было взято»⁷⁰. Но частичное возвращение финансов «в возврат убытков, понесенных газетой “Русское знамя” вследствие административных штрафов и судебных воздействий», осуществили министры внутренних дел Б. В. Штюрмер и А. Д. Протопопов, а вовсе не Столыпин⁷¹.

Однако было бы неверно считать, что преследование Дубровина и «Русского знамени» в административном и судебном порядке происходило исключительно по воле и прихоти Столыпина. В некоторых случаях премьер даже заступался за Дубровина, давая распоряжение не подвергать его штрафу за проступки⁷². Дубровинское издание вызывало раздражение у самых разных представителей царской администрации, как центральной, так и местной. Иногда бюрократия действительно показательно наказывала Дубровина и его соратников за выпады против нее и жесткую оппозицию столыпинскому курсу, но гораздо чаще авторы «Русского знамени» сами были виноваты в том, что навлекали на голову Дубровина правительственный гнев. Законных поводов для преследования крайне правой газеты было более чем достаточно, поскольку оскорбительной и непроверенной информации в отношении министров, губернаторов, видных сановников на страницах этого издания хватало. Грубость выражений, отсутствие умеренности, прямолинейная критика и стремление вести бескомпромиссную борьбу со всеми, кто был заподозрен черносотенцами в измене православию, самодержавию и интересам русской народности, отталкивали от «Русского знамени» не только либералов и социалистов, но и значительную часть консервативных сил. К тому же «Русское знамя», ориентируясь на широкие народные массы, публиковало немало материалов, написанных нарочито грубым, «народным» языком и предоставляло свои страницы для писем и телеграмм рядовых черносотенцев, которые своими высказываниями нередко создавали повод для штрафов и возбуждения уголовных дел. Но существование неудобной газеты бюрократии приходилось терпеть уже хотя бы потому, что одним из ее читателей являлся император Николай II.

При этом важно отметить, что нападки «Русского знамени» на Столыпина принципиально отличались от той непримиримой войны, которую Дубровин и его соратники вели против Витте. Ненависти, по крайней мере, публично, они к нему не проявляли (хотя, как утверждал граф С. Д. Шереметев,

⁶⁹ *Летенков Э. В.* Из истории рептильного фонда Главного управления по делам печати // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1973. № 14. Вып. 3. С. 139; *Степанов С. А.* Черная сотня. С. 205.

⁷⁰ *Летенков Э. В.* Из истории рептильного фонда. С. 139.

⁷¹ Там же.

⁷² РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2172. Л. 120.

сам Дубровин ненавидел Столыпина⁷³). Не соглашаясь с обвинениями в травле премьера, редакция «Русского знамени» заявляла, что такое мнение ошибочно и для нее «крайне прискорбно»: «Напротив, больше всех именно мы желаем г. Столыпину всяческого успеха, так как считаем его одаренным всеми природными качествами»⁷⁴. Рупор СРН заявлял, что своей критикой премьера он предостерегал его от роковых ошибок и пытался направить по верному пути. Но Столыпин остался глух к голосу черной сотни, и «на сердечное желание помочь его природным способностям, содействовать ему... в его государственной работе, “Рус[ское] зн[амя]” в ответ получало только грубые штрафы, до 3000 рублей зараз, и притом за правдивые указания на ошибочность принятого им курса. Искреннее содействие “Рус[ского] зн[амени]” г. Столыпин считал обидой, статьи с указанием ошибок — систематической травлей. <...> Не взирая на это, “Русское знамя” и впредь будет терпеливо переносить несправедливое отношение к себе Петра Аркадьевича и, буде последуют новые штрафы и аресты отдельных номеров, смиренно, подчинится ударам судьбы и постарается по мере сил служить на благо родины, желая как можно долее видеть высокоталантливого Петра Аркадьевича на занимаемом им высоком посту с его плодотворной работой на благо громадного, но требующего устройства, русского отечества»⁷⁵. Конечно, в этих словах было немало иронии, но все же они показывают принципиальное отличие отношения к Столыпину по сравнению с Витте. После трагической смерти Столыпина в 1911 г., дубровинское издание писало: «“Русское знамя” никогда не судило и не критиковало Столыпина *как человека*, — быть может, покойный премьер был превосходный гражданин, отец, муж и помещик. “Русское знамя” критиковало П. А. Столыпина, как *государственного деятеля*; “Русское знамя” получало трехтысячные штрафы, аресты, угрозы, конфиденциальные предупреждения по телефону за то, что писало о П. А. Столыпине, как о премьерe и министре внутренних дел»⁷⁶.

Помимо наложения штрафов и судебных преследований власть использовала и другие чувствительные для Дубровина меры воздействия. Правительственные субсидии, которые изначально шли в СРН через Дубровина, перестали ему выдаваться. Столыпин и его администрация также внесли ощутимый вклад и в начавшийся в черносотенном лагере раскол, поддержав возникшую в СРН оппозицию Дубровину и приложив усилия для утраты основателем союза былого влияния. Отмечая, что его, человека достаточно обеспеченного и независимого, бюрократия не могла ни подкупить, ни соблазнить чинами, службой, карьерой и наградами, Дубровин заключал: единственный способ расправиться с ним на законных основаниях — опорочить и выгнать. Характеризовал столыпинскую тактику в отношении своей персоны Дубровин

⁷³ Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. С. 134.

⁷⁴ П. А. Столыпин и «Русское знамя» // Русское знамя. 1910. 11 мая.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Полтавец [Еремченко Н. И.] Шедевр холопской растерянности // Русское знамя. 1911. 10 сентября.

следующими словами: «Выгнать тонко, деликатно, без скандала, не нарушив закона и порядка, “по благородному”, — по-бюрократически. Так повести дело, чтобы *сам* ушел, *сам отказался*»⁷⁷.

Таким образом, два русских патриота и монархиста — Дубровин и Столыпин оказались антагонистами, не испытывавшими друг к другу никаких симпатий. Но вместе с тем было в этих двух деятелях и нечто общее, на что обращали внимание современники. Киевский правый публицист Б. М. Юзефович полагал, что Столыпин, вынужденный в силу обстоятельств маневрировать между различными политическими силами, со временем неизбежно поправеет, и если монархисты смогут дать премьеру по-настоящему правую Думу, то «даже злейшие нынешние враги П. А. Столыпина легко убедятся, что если он и не столь же крайний, то столь же верный преданный слуга и сторонник царского самодержавия и русского народа, как и сам А. И. Дубровин»⁷⁸. «Искреннее мое желание, было бы, — отмечал публицист, — чтобы обе стороны бросили эту обоюдно опасную для них борьбу и, присмотревшись друг к другу, взаимно оценили бы свою работу и прощали бы друг другу их вольные и невольные прегрешения»⁷⁹.

«Для психолога-портретиста нет, думается, в наши дни более интересной “натуры”, как личности П. А. Столыпина и А. И. Дубровина, — отмечал в 1909 г. автор “Земщины”. — Оба они принадлежат к формации “новых людей”, людей, выдвинутых минувшим трехлетием. О бывшем саратовском губернаторе мало кто знал в публике, а про д-ра Дубровина и вовсе ничего не было слышно, даже в аптеках... Оба как-то сразу выросли в крупные величины и, думается, действием одной и той же силы»⁸⁰. По мнению автора заметки, русский национализм, русская стихия и русская суть «поразительным образом сказались в *деле* одного, в *личности* другого». «Заметьте, — пояснял свою мысль фельетонист, — как личность, как индивидуальность А. И. Дубровин совершенно безличен. Ни одним словом, ни одною черточкою, ни в чем личность его не сказала, не выразилась, не запомнилась. <...> Он весь ушел, без остатка растворился в своем деле, в своем создании. А. И. Дубровин, — это Союз русского народа, а Союз русского народа, — это А. И. Дубровин. Напротив того, все обаяние, все политическое значение и нравственная сила П. А. Столыпина — в его прекрасной личности»⁸¹. Сочувствуя одновременно и вождю СРН, и премьеру, автор монархической газеты заключал: «Какое бы это было мудрое, дальновидное государственное выступление заинтересовать светлую личность П. А. Столыпина в плодотворном и пока единственном у нас национально-общественном деле, созданном руками русского Гарибальди — А. И. Дубровиним!!»⁸²

⁷⁷ Дубровин А. И. Уход А. И. Дубровина из Главного совета.

⁷⁸ Юзефович Б. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин // Земщина. 1909. 18 июля.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Почитатель. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин // Земщина. 1909. 18 августа.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

Но это наивное пожелание неизвестного автора-монархиста не имело никаких шансов на успех. Как справедливо замечал публицист «Русского знамени» Д. И. Булатович, «вероятно, оба лица, прочтя заманчивое предложение, сильно поморщились»⁸³. Отмечая, что политические взгляды Дубровина и Столыпина слишком далеко отстоят друг от друга, автор статьи указывал, что между вождем СРН и премьером невозможен даже худой мир и случившееся противостояние между ними было неизбежно и закономерно. «Сторонним наблюдателям перипетий антагонизма А. И. Дубровина и П. А. Столыпина могло казаться, что А. И. Дубровин задирает антагониста, но они ошибались: задирали не А. И. Дубровин. Задирали его, т. е., конечно, не его лично, а его дело; задирали, правда, в высшей степени благовоспитанно, а он отвечал, правда, не столь благовоспитанно, без стеснения срывая маску с благороднейшего антагониста...»⁸⁴ Отмечая, что причина антагонизма кроется не в личных отношениях Столыпина и Дубровина, а переходы на личности если и были, то являлись вторичным фактором, Булатович указывал, что суть конфликта в «полной противоположности воодушевляющих их идей».

Суть этих противоречий автор статьи видел в следующем. Дубровин считал главным препятствием в деле возрождения национального самосознания русского народа не столько «сепаратные инородческие национализмы и еврейско-анархический космополитизм», играющие роль «фермента, для пробуждения патриотизма и русского национализма», сколько «бюрократический пресс, безжалостно сплющивающий набухающие почки всяких общественных ощущений». Не сомневаясь, что при равных условиях борьбы черносотенцы осилит любые инородческие влияния, Дубровин негодовал, что бюрократия ставит и правых, и левых на одну доску, считая нежелательными и тех и других, так как не терпит никаких «самочинных», не подконтрольных ей общественных организаций. В результате такой политики левым, привыкшим работать нелегально, развязываются руки, а правым, желающим действовать в правовом поле, навязывается беззубая стратегия «бессвязного бормотания общих мест» и одобрения начальства. Столыпин же для Дубровина был прежде всего вождем этой бюрократии, а значит, главным виновником уничтожения жизнеспособных и боеспособных монархических сил. И то обстоятельство, что премьер оказался личностью выдающейся, одаренной, волевой, верящей в свою звезду, не делало его для Дубровина лучше, так как посредственный и слабый бюрократ имел бы меньше возможностей для того, чтобы твердо гнуть свою линию и не считаться с голосом монархической общественности. Дубровин одним из первых в правом лагере понял, что сделка черносотенцев с бюрократией приведет к гибели живого народного движения, на месте которого появится несколько зависимых от правительства партий —

⁸³ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин // Русское знамя. 1909. 8 сентября; То же. СПб., [1909]. С. 1.

⁸⁴ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин. СПб., [1909]. С. 1.

более респектабельных и умеренных, но при этом не имеющих за собой силы сплоченных масс, ибо идеал бюрократии — «распыленный народ». «Партия Дубровина», — писал Булатович, — с этим бюрократия готова примириться, но «Союз русского народа» — этого она не потерпит: ведь он посягает на ее «пре-рогативы», связывая по рукам и ногам ее самовластие. Подлинный патриотизм верноподданных ненавистен бюрократии, но весьма любезен ей «патриотизм» свиней, объединенных любовью к общему корыту. Этот последний выдается ею за «просвещенный патриотизм»...»⁸⁵ О том же, кстати, еще в самом начале 1908 г. писал и князь В. П. Мещерский. Критикуя недостатки СРН и его вождя, князь, вместе с тем возмущался, что столыпинская бюрократия, вместо того чтобы радоваться наличию «громкой важности охранительной силы», поддерживать и беречь ее самостоятельность, пошла против нее. Осуждая чиновничий поход против Дубровина и СРН, Мещерский писал: «Чиновник-бюрократ... не может терпеть, чтобы могла быть в России какая-нибудь не вицмундирная, ему не подчиненная опора царского престола. <...> Интересы бюрократии заговорили громче всяких интересов русской народности, и целое ведомство (кроме исключений), как, например, судебное, объявило себя недоброжелателями «Союза русского народа»»⁸⁶. Как отмечает современный историк, «исходя из специфического восприятия роли патриотических союзов, П. А. Столыпин рассматривал А. И. Дубровина в качестве подчиненного ему главы одного из правительственных ведомств, который должен или следовать в фарватере заданного правительственного курса или быть заменен на более стоворчивого вассала», но «поддержка А. И. Дубровина низовыми организациями сорвала планы премьер-министра»⁸⁷.

Булатович утверждал, что Дубровин не поддался обаянию личности Столыпина и сразу же увидел в его политической программе путь к катастрофе. А раз так, то искать примирения и сотрудничества с премьером не имело для него никакого смысла. «С какой стати А. И. Дубровину погибать за компанию?» — вопрошал публицист⁸⁸. Подводя итог взаимоотношениям главы правительства и вождя черной сотни, Булатович писал: «Перспективы, открываемые бюрократией перед А. И. Дубровиным, столь же заманчивы, как и те, что были открыты Христу сатаной на высокой горе, но А. И. Дубровин устоял: не пал в ноги бюрократии и не поклонился ей, но сказал «отойди от мене». Чего только не пускала в ход бюрократия, чтобы согнуть в дугу этот дуб: и подсылала лиц с предложением субсидии, и пыталась через подосланных агентов сеять раздоры в Главном совете, и демонстративно покровительствовала соперничающим правым организациям, и донимала штрафами и мелкими придирадками, и пустила в оборот инсинуаторскую кличку «революционеров справа»... <...>

⁸⁵ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин. СПб., [1909]. С. 3.

⁸⁶ Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. 1908. № 1. С. 14.

⁸⁷ Размолodin М. Л. Идеология черносотенных организаций в России в начале XX века. [Б. м.], 2020. С. 199.

⁸⁸ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин. СПб., [1909]. С. 6.

А. И. Дубровина хотят очернить в глазах государя, хотят ввергнуть его в опалу и тем отшатнуть от него патриотов, которые, оставшись, как овцы, без пастыря, должны, по расчетам бюрократии, покорно пойти под бичом П. А. Столыпина. <...> Как далек, однако, бюрократ П. А. Столыпин от понимания патриотического лагеря. Он представляет себе А. И. Дубровина директором департамента, которого только стоит заменить новым, своим директором, чтобы сразу сделать Союз русского народа своим. [Но] А. И. Дубровин только волею самого времени, а не начальническую милостью, вождь патриотов, он их символ»⁸⁹.

Заключение. Таким образом, конфликт между Дубровиным и Столыпиным был предопределен с самого начала. Пока власть и черносотенцы вели борьбу с революцией, они были вынужденными союзниками, но как только угроза крушения государственного строя отступила, оказалось, что разногласий между главой правительства и вождем черной сотни гораздо больше, чем точек соприкосновения. Сходясь в том, что Россия должна быть великой и процветающей монархической державой, в которой русскому народу отведена особая государственная роль, Дубровин и Столыпин решительно расходились в понимании путей и способов достижения этой цели. Полезный во время революционной смуты Дубровин быстро превратился в глазах премьера в раздражающий фактор, от которого хотелось поскорее избавиться, а для вождя СРН Столыпин стал олицетворением «мертвящего» бюрократического подхода, губящего народное монархическое движение. Если для Столыпина Дубровин был фанатиком, губящим своей непримиримостью и бескомпромиссностью всякое дело, то Дубровину Столыпин казался ненадежным слугою царя, конституционалистом и чиновником, своими ошибочными действиями постепенно, но методично разрушающим историческую самодержавную Россию. А учитывая характеры обоих антагонистов, не приходится удивляться, что мировоззренческий конфликт между ними быстро перерос в активную борьбу, которая закончилась лишь в результате трагической гибели Столыпина от руки террориста.

Литература

1. Богоявленский Д. Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 242 с.
2. Бородин А. П. Правые // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011. С. 478–486.
3. Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. М.: Вече, 2004. 380 с.
4. Иванов А. А. В. М. Пуришкевич и П. А. Столыпин: между сотрудничеством и антагонизмом // П. А. Столыпин: Преобразуя настоящее, творить будущее / под ред. И. Е. Воронковой. Орел: Изд-во ОрелГИЭТ, 2011. С. 106–112.
5. Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.

⁸⁹ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин. СПб., [1909]. С. 6.

6. Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.
7. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
8. Летенков Э. В. Из истории рептильного фонда Главного управления по делам печати // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1973. № 14. Вып. 3. С. 137–139.
10. Омелянчук И. В. Дубровин Александр Иванович // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011. С. 169–171.
11. Омелянчук И. В. Оценка деятельности П. А. Столыпина на страницах правой газеты «Русское знамя» // Раздвигая научные горизонты...: сборник статей памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения). М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2023. С. 267–284.
12. Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.
11. Омелянчук И. В. Премьер-министры Российской империи в оценках правых (1905 – первая половина 1914 года) // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 273–311.
13. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
14. Размолодин М. Л. Идеология черносотенных организаций в России в начале XX века. [Екатеринбург]: Издательские решения, 2020. 352 с.
15. Степанов А. Д. Русский Гарибальди. Александр Иванович Дубровин (1855–1921) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб.: Царское Дело, 2015. С. 56–92.
16. Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Язуз-пресс, 2013. 672 с.

References

1. Bogoyavlensky D. D. Problema liderstva v Soiuzе russkogo naroda [The problem of leadership in the Union of the Russian People]. Moscow: MGOU, 2012. 242 p. (In Russ.).
2. Borodin A. P. Pravye [Rights] // Pyotr Arkadyevich Stolypin: encyclopedia / ed. by V. V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2011. P. 478–486. (In Russ.).
3. Borodin A. P. Stolypin. Reformy vo imia Rossii [Stolypin. Reforms in the name of Russia]. Moscow: Veche, 2004. 380 p. (In Russ.).
4. Ivanov A. A. V. M. Purishkevich i P. A. Stolypin: mezhdо sotrudnichestvom i antagonizmom [V. M. Purishkevich and P. A. Stolypin: between cooperation and antagonism] // P. A. Stolypin: Preobrazуia nastoiashchee, tvorit' budushchee [P. A. Stolypin: Transforming the present, creating the future] / ed. by I. E. Voronkova. Orel: OrelGIET, 2011. P. 106–112. (In Russ.).
5. Ivanov A. A. Vozhd' chernoі reaktсии: Nikolai Evgen'evich Markov [The leader of the black reaction: Nikolai Evgenievich Markov]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2023. 639 p. (In Russ.).
6. Ivanov A. A. Pravye partii Rossiiskoi imperii [Right-wing parties of the Russian Empire]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2024. 735 p. (In Russ.).
7. Kiryanov Yu. I. Pravye partii v Rossii. 1911–1917 [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 464 p. (In Russ.).

8. Letenkov E. V. Iz istorii reptil'nogo fonda Glavnogo upravleniia po delam pechati [From the history of the reptilian fund of the Main Directorate for Press Affairs] // Bulletin of Leningrad University. History, Language, Literature. 1973. Vol. 14. № 3. P. 137–139. (In Russ.).
9. Omelianchuk I. V. Dubrovin Aleksandr Ivanovich [Dubrovin Alexander Ivanovich] // Pyotr Arkadyevich Stolypin: encyclopedia / ed. by V. V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2011. P. 169–171. (In Russ.).
10. Omelianchuk I. V. Otsenka deiatel'nosti P. A. Stolypina na stranitsakh pravoï gazety «Russkoe znamia» [Evaluation of the activities of P. A. Stolypin on the pages of the right-wing newspaper “Russkoe znamia”] // Expanding scientific horizons...: A collection of articles in memory of Doctor of Historical Sciences P. N. Zyryanov (on the 80th anniversary of his birth). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2023. P. 267–284. (In Russ.).
11. Omelianchuk I. V. Pravye partii i P. A. Stolypin [Right parties and P. A. Stolypin] // Russian History. 2012. № 2. P. 62–76. (In Russ.).
12. Omelianchuk I. V. Prem'er-ministry Rossiiskoi imperii v otsenkakh pravykh (1905 – pervaiia polovina 1914 goda) [Prime Ministers of the Russian Empire in right-wing evaluations (1905 – first half of 1914)] // Tetradi po konservatizmu [Notebooks on Conservatism]. 2020. № 1. P. 273–311. (In Russ.).
13. Omelianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p. (In Russ.).
14. Razmolodin M. L. Ideologiiia chernosotennykh organizatsii v Rossii v nachale XX veka [The ideology of the Black Hundreds organizations in Russia at the beginning of the 20th century]. [Yekaterinburg]: Izdatel'skie resheniia, 2020. 352 p. (In Russ.).
15. Stepanov A. D. Russkii Garibal'di. Aleksandr Ivanovich Dubrovin (1855–1921) [Russian Garibaldi. Alexander Ivanovich Dubrovin (1855–1921)] // Right Russia. Biographies of Russian monarchists of the early 20th century. St. Petersburg: Tsarskoe Delo, 2015. P. 56–92. (In Russ.).
16. Stepanov S. A. Chernaia sotnia. Chto oni sdelali dlia velichiiia Rossii? [Black Hundreds. What did they do for the greatness of Russia?]. Moscow: Iauza-press, 2013. 672 p. (In Russ.).